

Валерия Шаталова,
Дарья Урбанская

ГOD
ЧЕРНОЙ
ТЫКВЫ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш28

Шаталова, Валерия Рашитовна.

Ш28 Год черной тыквы / Дарья Урбанская, Валерия Шаталова. — Москва : Эксмо, 2025. — 512 с.

ISBN 978-5-04-225775-9

НА ОСТРОВЕ ХЕЙМ ПРОШЛОГО НЕ ЗАБЫВАЮТ —
ЛИШЬ ХОРОНЯТ ПОГЛУБЖЕ.

Но охотница Йонса намерена докопаться до правды, разобраться с тайнами погибшего отца и отыскать душегуба, наславшего черное проклятие на ее единственную подругу. Пусть даже для этого Йонсе придется выбрать, чью помочь принять: того, кто разбил ей сердце, чужого возлюбленного или презираемого всеми колодника.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шаталова В.Р., Урбанская Д.В.,
текст, 2025

© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-225775-9

ПРОЛОГ

ЕВДОКИЯ БАРЯТИНА. ЛАВКА ЗЕЛЕЙНИКА,
ГАРДА, СТОЛИЦА ГАРДАРИКИ

— Как нет? — Евдокия нахмурилась, но затем, спохватившись, медленно вздохнула, и лицо её вновь разгладилось. — Зелейник обещался, что мой заказ доставят в срок.

— Не могу знать, сударыня.

Юнец за прилавком виновато развёл руками, но его взгляд забегал. Евдокия удовлетворённо поджала губы.

«Попался!»

— Точно нет? А если я дождусь самого зелейника и у него самолично спрошу?

Лавочник побледнел и сглотнул.

— Ты знаешь, кто я такая? — высокомерно бросила Евдокия. — Мой муж, голова артели артефакторов Барягин, состоит в совете при самом посаднике Гарды.

— Знаю, сударыня, — выдавил юноша, — и безмерно уважаю. Только из-за этого и предложу вам на замену другое средство. Нам велено его пока придержать, но для вас...

Валерия Шаталова, Дарья Урбанская

— Другое? Не юли, говори как есть.

— Его иной зелейник готовит, издалека везут, большая редкость, но по воздействию оно схоже.

— А чего ж не выставляете тогда, а придерживаете?

Юнец замялся, оттянув ворот светлого кафтана, будто тот вдруг начал его душить. А Евдокия упёрла руку в бок и требовательно спросила:

— Ну?! В чём дело-то?

— Стоит втройне супротив обычного, — пискнула он, втягивая голову в плечи.

— Втройне, говоришь? Ну что ж, давай, — она благосклонно кивнула. Забрав с прилавка непрозрачный фиал, она не глядя скинула его в кошму, а взамен бросила один полновесный златник. — По прежней цене. Платить втридорога не стану, не надейся. Не выйдет у тебя, шельмец, на жене Барятина нажиться.

— Но сударыня...

Евдокия дальше и слушать не стала, вышла из лавки зелейника под звон медных бубенцов, новомодной придумки, что последнее время вешали при входе во все лавки. Вслед ей донеслось неразборчивое бормотание, которое, если задуматься, походило на что-то вроде «Чтоб тебя твари Хейма сожрали!». В другой раз Евдокия не спустила бы вольности, но сейчас лишь улыбнулась уголками губ и отправилась дальше по своим делам.

ЕВДОКИЯ БАРЯТИНА. ТЕРЕМ БАРЯТИНЫХ, ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ТРАКТ, ГАРДА

Жизненная круговорть накануне большого праздника — русальей недели — закружила, затянула в свои суетливые объятия. Не было ни времени, ни нужды

Год черной тыквы

вспоминать нагловатого юнца из лавки зелейника. Подготовка к праздничному ужину отнимала все силы, и выдохнуть Евдокия смогла лишь вечером. В роскошном тереме Барятиных на Центральном тракте столичной Гарды стояла непривычная тишина — большую часть прислуги уже распустили по домам к семьям, у кого они имелись, поминать предков. Остались лишь Маришка — сенная девка, на которую теперь свалились все хлопоты, да Бьёрн Туур, выписанный из Грантланды. Все полагали, что он камердинер в доме Барятиных, и завидовали, ведь заполучить свободного грантладца в услужение — это и неслыханная редкость, и непозволительная роскошь. Сам хозяин дома, Феофан Барятин, слухи эти не опровергал. А Бьёрну, похоже, было плевать на мнение прочих. Он, высокий и широкоплечий, с неизменно холодным, невозмутимым взглядом делал какую-то свою работу — определённо не связанную с уборкой горниц — и получал за это златники. Евдокия никогда не вникала в особые дела супруга, но ей нравилось украдкой разглядывать статную фигуру Бьёрана. Было всё же в этих грантландцах что-то такое... притягательное.

Сегодня Феофан должен был прибыть к полуночи — увы, дела артели не знали ни выходных, ни праздников. Евдокия вздохнула. Что поделать, такова цена за благополучие. Зато в малой гостиной супруга ожидал накрытый на двоих стол с лёгкими закусками и хмельным мёдом из Грантланды, который он так любил, — Бьёрн расстарался.

Евдокия поймала своё отражение в оконном стекле и улыбнулась. Кожа сияла здоровьем, словно времена обратились вспять. Морщинки у глаз, нагонявшие на неё

Валерия Шаталова, Дарья Урбанская

тоску последние годы, разгладились. Будто она снова простоволосая молодица, и впереди целая жизнь.

Неожиданно в стекле отразилась тень, смазанно, неясно, будто тот, кто её отбросил, метнулся быстро вбок, как почтовый кречет. Евдокия резко обернулась, но в гостиной по-прежнему никого, кроме неё, не было.

— Хм... — задумчиво протянула она, оглядывая стол, в центре которого стояло хрустальное ведро с наряженными берёзовыми ветками.

Одна из них слегка покачивалась, будто с неё только что вспорхнула невидимая пичуга. Даже гирлянда из алых лент и бус чуть подрагивала.

— Маришка? Это ты?

Не дождавшись ответа, Евдокия перевела взгляд на белоснежную скатерть, свисающую до пола, и нахмурилась.

— Мари... Тыфу, да что за глупости, — одёрнула себя Евдокия.

«Не станет же сенная девка прятаться от меня под столом. Какая дурость. Это всего лишь сквозняк...»

В ответ скатерть колыхнулась так, будто под столом кто-то вздохнул. Кто-то очень крупный.

— Леший тебя утащи, Маришка! — нервно притопнула ногой Евдокия. — Что за шутки?! Вылезай оттуда немедля, или велю Бьёрну всыпать тебе розог.

Из-под стола раздался противный скрежет, да такой, что Евдокия почему-то представила когтистую лапу, полосующую новомодный паркет.

— Б-б-б-ё-о-орн... — прошептала она в сторону коридора.

Сердце бухало в груди, как ненормальное, ноги приросли к полу, а по спине и затылку полз холодок.

Год черной тыквы

Перед мысленным взором представлял то пёс, то волк, то вурдалак, о котором судачили болтливые служки.

— Бьёрн!!! — разнёсся по пустому терему испуганный вопль Евдокии.

В ответ где-то в коридоре хлопнула дверь, а из-под стола глухо застrekотало. Край скатерти снова колыхнулся, и Евдокия стала пятиться к выходу из гостиной. Шаг. Другой. Внезапно высокая дверь распахнулась с такой силой, что створки с гулким стуком врезались в стены. И в тот же миг из проёма выскочило тёмное нечто. Громадное, никак не меньше волкодава, которых разводили их соседи по загородной усадьбе. И быстро. Евдокия только успела заметить глаза, налитые зловещим огнём, да торчащие жвала, с громким клацаньем сомкнувшиеся в вершке от её шеи. Не помня себя от ужаса, она бросилась к окну, но добежала лишь до стола. Ноги пронзило острой болью. Повалившись вперёд, она успела схватить тарелку — дорогой сангхонгский фарфор, и Евдокию тут же, под звон осколков, стащило вниз. Вокруг голеней обвивалось мерзкое щупальце, сквозь коричневую чешую которого пробивались острые волоски-щетинки, вонзавшиеся в нежную кожу сквозь тонкие чулки.

— Бьёрн! — истошно завизжала она. — Марыш...

— Ар-хр-р! — огрызнулась тварь, сокращая сегменты щупальца, подволакивая Евдокию ближе к себе — туда, где у бесформенно шевелящейся плоти громко и часто щёлкали челюсти-жвала.

Мерзкие жгути выростали из туловища чудовища, обвили её талию, давили, впиваясь тонкими иглами, и подтягивали вершок за вершком к верной

Валерия Шаталова, Дарья Урбанская

погибели. Парча сарафана порвалась, на светлой ткани проступила кровь. И казалось бы, кошмарная тварь должна смердеть, но Евдокию неожиданно окутал сладковатый аромат печёной тыквы.

— Клац! — Острый мысок туфельки скрылся в уродливой пасти.

В этот момент Евдокию бросило в жар, на грудь навалилась тяжесть, а руки словно заинdevели, и она резко наклонилась вперёд и одеревеневшими пальцами ткнула осколком тарелки в тварь. Фарфор скрежетнул по подобию панциря и соскользнул прямо в глазницу, пронзая злобный лиловый глаз.

— Сдохни, хеймова тварь!

С мерзким хлюпаньем Евдокия вытянула осколок обратно и тут же вновь вогнала его. Ещё раз и ещё:

— Сдохни! Сдохни!

Тварь захрипела, забилась в агонии, но всё скользила и елозила своими дёргающимися шупальцами по Евдокии, раздирая платье в лоскуты, в стремлении не то обнять, не то раздавить, и наконец испустила дух. А выдыхая, захрипела, словно запечатлела имя своего несостоявшегося обеда:

— Евда-а-а-ахр-р...

Подывая от пережитого ужаса, Евдокия выпуталась из-под тяжёлых обмякших шупалец, поползла вперёд, мечтая лишь о том, чтобы скорее оказаться в спасительных объятиях Феофана. Впрочем, супруг ещё не вернулся — она бы знала. Но куда же подевались остальные?

«Маришка? Бъёрн? Кто-нибудь?» — мысленно звала она, ведь из горла ничего кроме бессвязных рыданий не шло.

Год черной тыквы

А перед внутренним взором мелькали картины одна другой омерзительней — как хеймова тварь поедала её служанку. Сначала ступни, затем голени...

Евдокию замутило, перед глазами заплясали точки. Но дрянные мысли не давали покоя, рисуя самые жуткие образы — обглоданные останки Маришки и Бьёрна.

«Неужто грантландец не справился бы с тварью? Он же такой сильный... Но раз не отзвался, значит... У -у-у...»

Она снова завыла. Пришлось упереться лбом в прохладный паркет и дышать глубоко, часто, со свистом.

«Скоро вернётся Феофан. Скоро он вернётся. Он разберётся со всем. Он спасёт меня».

Беззвучно она твердила эти слова снова и снова. Лежала на полу, рассматривала убегающий вперёд по коридору узор половиц и даже обнаружила ряд пятнышек застывшего свечного воска.

«Теперь некого упрекнуть за плохую уборку. Бедная Маришка...»

Унявшееся было сердце снова сбилось с ритма. И в этот миг у лестницы, ведущей в кухню, что-то зашуршало. Да так неприятно, что Евдокия тут же поняла — это точно не её супруг.

«Феофан бы пришёл с парадной. И разве можно спутать тяжёлую поступь его шагов с этим мерзким шуршанием ползущих по полу щетинок».

Цокот множества мелких ножек приближался, словно вверх по ступеням скользила огромная сороконожка. Евдокия стиснула зубы и поползла вперёд, навстречу шороху. Это был отчаянный шаг, но единственно возможный, ведь чуть дальше по коридору рас-

Валерия Шаталова, Дарья Урбанская

полагался чулан — а это и дверь, и щеколда, и, возможно, какой-то инструмент для защиты.

Шуршание приближалось, вот-вот неведомая тварь должна была показаться из-за поворота. Евдокия рывком подтянула себя к заветной двери:

«Ещё немногого. Я успею. Мать честная, земля родная, помоги, не оставь...»

ЧАСТЬ I

ХЕЙМ ОТНИМАЕТ

ГЛАВА I

ЛИЛО

ЛИЛО ХАЛЛА. НОРЫ ҚОЛОДНИКОВ,
ОСТРОВ ХЕЙМ

Сотни невидимых игл впились в затёкшую ногу. Я резко сел, тут же стукнувшись лбом о каменный свод, и повалился обратно на жёсткий тюфяк, наполненный панцирными опилками.

— Да чтоб тебя... — прорычал я сквозь зубы, перевернулся на живот и червём стал выползать из своей спальни.

Наверное, я никогда не привыкну к этим узким, тупиковым дырам, раскиданным по стене в несколько рядов, словно медовые соты. Вот только ни мёда, ни пчёл на Хейме даже не видели.

Свесив ноги вниз, я спрыгнул на земляной пол. Во время сильных приливов грунтовые воды здесь поднимались и подтапливали нижний ряд спален, да так внезапно, что люди, бывало, тонули во сне. Наверное, стоило порадоваться, что Влас сумел выбить мне лежак

